

УДК 821.161.1 (929)

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор Института педагогики и лингвистики, Владивостокский государственный университет. Адрес: 690060, Владивосток, ул. Гоголя, 39. +7(914)703-11-45, E-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4536-2083> (контактное лицо для переписки)

Хисамутдинов Амир Александрович – доктор исторических наук, заведующий сектором Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук. Адрес: 690060, Владивосток, пр. 100-летия Владивостока, 159. +7(914)791-01-59, E-mail: khisamut@yahoo.com ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8228-7513>

«Корень жизни» дальневосточного одиссея Михаила Щербакова

Аннотация. В статье освещается дальневосточный период жизни литератора и фотографа Михаила Васильевича Щербакова (1896–1956). Находясь в период Гражданской войны во Владивостоке, а затем уехав в Китай, он оказался в центре литературного движения на российском Дальнем Востоке и в русской диаспоре Китая. Щербаков получил известность как автор большого числа поэтических и прозаических произведений, в которых нашли отражение этнографические мотивы, так и общественный деятель, председатель правления Содружества русских работников искусства «Понедельник» и член литературно-художественного объединения «Восток». В статье использованы редкие материалы, выявленные в российских и зарубежных коллекциях.

Ключевые слова: М.В. Щербаков (1896–1956), русские в Шанхае, русская литература в Китае, русская культура в Китае.

Natalia V. Khisamutdinova, Doctor of Sciences (History), professor of the Pedagogy and Linguistics Institute, Vladivostok State University. Vladivostok, Russia. E-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4536-2083>

Amir A. Khisamutdinov. Doctor of Sciences (History), head of the Central Academic Library Research Department, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Vladivostok, Russia. E-mail: khisamut@yahoo.com <http://orcid.org/0000-0002-8228-7513>

"The Life Root" of the Far Eastern Odyssey Mikhail Shcherbakov

Abstract. The article focuses on the Far Eastern life period of the writer and photographer Mikhail Vasilyevich Shcherbakov (1896–1956). Staying in Vladivostok during the Civil War in Russia and then leaving for China, he found himself at the center of the literary movement in the Russian Far East and the Russian diaspora in China. Shcherbakov came to prominence as the author of numerous poetic and prose works reflecting his interest in ethnography, as well as a public figure, board chair of *Ponedel'nik*, Association of Russian art people, and a member of another artistic association *Vostok*. The article is based on the rare materials discovered in Russian and international collections.

Keywords: M.V. Shcherbakov (1896–1956), Russians in Shanghai, Russian literature in China, Russian culture in China.

Введение.

В ходе Гражданской войны в России за рубежом оказалось немало талантливых учёных и литераторов, сведений о которых почти не сохранилось. Если их имена мы встречаем на книгах, изданных на родине или в эмиграции, то многие биографические факты остаются за семью печатями, как и их неизданные рукописи. Так случилось и с литератором Михаилом Васильевичем

Щербаковым, хронологию жизни которого пришлось собирать по мелким деталям – из воспоминаний современников, переписки, упоминаний в прессе и литературе, косвенным фактам.

В справочных изданиях, посвященных литераторам, М.В. Щербакову отводится лишь несколько строк [1, с. 169; 3, с. 163; 12, с. 275]. Гораздо больше о нём говорят его произведения: в стихах, рассказах, очерках, повестях, которые отличаются строгой законченной формой, точным рисунком и ритмом, видна многогранная и противоречивая личность Щербакова – романтика и путешественника, этнографа и философа, поэта-лирика и переводчика. Не случайно, его творчество в последнее время стало предметом исследования филологов [2; 5; 9; 10].

Интерес представляет и жизненный путь Щербакова как разносторонне талантливого человека. Участник Первой мировой войны, он был переводчиком в Русском экспедиционном корпусе и летчиком французской армии. Оказавшись в годы Гражданской войны во Владивостоке, он вместе с другими литераторами-беженцами создавал здесь литературное движение. Уехав в Китай, он и там был в центре литературной жизни: руководил творческими объединениями, редактировал журнал, издавал книги. Разнообразные сведения об этом содержатся в русской периодике Харбина и Шанхая.

Теплые воспоминания о Щербакове оставил другой русский литератор, знавший его по Китаю, Владимир Александрович Слободчиков [11, с. 213–216]. Именно ему, покидая Шанхай, Щербаков доверил свою книжную коллекцию, часть которой ныне хранится в Российской государственной библиотеке [6] и которую авторам удалось изучить.

Сведения о Щербакове имеются в Музее русской культуры в Сан-Франциско, куда переехали его друзья, в частности материалы собрания А.С. Лукашкина, исследователя и общественного деятеля русской диаспоры в Китае. Среди них наиболее информативна переписка литератора с поэтессой и журналисткой Таисией Анатольевной Баженовой (в замужестве Постникова,

1900–1978, Аламеда, Калифорния), которую он знал по Харбину. Все эти материалы и помогли выявить то, что составляло суть жизни поэта, прозаика, переводчика и фотографа М.В. Щербакова и питало его творчество.

Москва – Франция – Владивосток

Вероятно, родители Михаила Щербакова, родившегося в 1898 г. в Москве, были образованными людьми. Он с детства говорил на французском и немецком языках, много читал, особо интересуясь историей человечества и археологией, успешно занимался физикой и химией в Императорской Московской практической академии коммерческих наук, но перевесил интерес к изящному слову. Неудивительно поэтому, что, окончив Академию, он продолжил образование на историко-филологическом факультете университета (вероятно, Московского), где прослушал только два семестра.

Во время Первой мировой войны Щербакова как прапорщика запаса мобилизовали. Узнав, что он свободно владеет французским языком, летом 1916 г. его откомандировали в качестве переводчика в Русский экспедиционный корпус и отправили на Салоникский фронт. Там он служил в течение года, пока не получил предложение стать редактором военной газеты. Оно поступило в 1917 г. от уже известного к этому времени филолога профессора Евгения Васильевича Аничкова (1866–1937, Белград), также откомандированного с русским отрядом во Францию и служившего во французской армии в чине лейтенанта. На страницах этого издания на Пасху 1917 г. будущий литератор Щербаков напечатал своё первое стихотворение.

После Октябрьской революции российские подразделения Экспедиционного корпуса были расформированы, и весной 1918 г. переводчик Щербаков вступил добровольцем во Французскую армию. Проходя в Лионе краткосрочный курс военной фото-аэросъемки (наблюдателей), он увлёкся фотографией, что в дальнейшем окажется для него жизненно важным. Затем он окончил школу пилотажа и воздушной акробатики. Позднее он выразил свои впечатления от полётов в стихотворных строках: «Сквозь стеклянный диск пропеллера / Пиренеи вижу мгlistые; / Наплывают тучи с севера – / Океаны

серебристые. / Тихо снежными мантильями / Стёрли черных гор развалины; /
 Под распластанными крыльями / Землю вижу лишь в прогалины. /
 Накопляются жемчужности, / Прихотливо колыхаются... / В центре радужной
 окружности / Тень моя крестом качается» («Облачное море»).

В другом стихотворении Щербаков аллегорически описал и воздушный бой, хотя сведений о его непосредственном участии в боевых действиях не обнаружено: «Перчаткой подан знак. / В пыли пустой / арены / Два чудища
 стальных, равняясь блеском лат, / Упрямых жеребцов тяжёлый бег / стремят / К
 беседке, где в гербах и флагах / сюзерены».

В заключительном трехстишии отмечена смерть пилота: «И вот сражён
 один; / другой в предсмертной дрожи / Теряет стремяна и кровью прах поит, / И
 рядом, на песке, упав, сверкает / щит» («Поединок»).

С началом Гражданской войны в России М.В. Щербакова перевели в распоряжение генерала М. Жанена, назначенного главой Французской военной миссии в Сибири, но по пути морем во Владивосток Щербаков выяснил, что правительство А.В. Колчака уже пало и верховного правителя расстреляли. Эта новость заставила его отложить возвращение и устроиться на работу в отделение французского Индо-Китайского банка (Banque d'Indo-Chine) в Ханое. Удовлетворения от конторской работы Щербаков не получил и решил продолжить путь во Владивосток, который казался островком благополучия в охваченной братоубийственной войной России.

В это время во Владивостоке бурлила литературная жизнь, в которую окунулся и Щербаков. Он близко сошелся с бывшим адъютантом генерала В.М. Молчанова Леонидом Евсеевичем Ещиным. В августе 1921 г., даря Щербакову свой первый и единственный поэтический сборник «Стихи таежного похода», только что изданный во Владивостоке, Ещин написал: «Мы с Вами кольцо объехали, — Вы по морю, а я пешком. У Вас — марины, у меня тайгины. Автор».

Подружился Щербаков и с Арсением Несмеловым (наст. фам. Митропольский), подарившим ему книгу стихов «Парнас между сопок» с надписью «Михаилу Васильевичу Щербакову на добрую память. 22 окт. 1921».

До конца жизни литератор поддерживал дружеские отношения с философом Львом Александровичем Зандером (1893–1964, Париж), который в годы Гражданской войны с беженцами добрался до Владивостока и был в 1920 г. среди основателей и преподавателей Дальневосточного университета. В 1922 г., когда Зандер с семьей покидал Россию, Щербаков посвятил ему сонет «Жень-Шень»: «...Сложив фанзу, – постись! / Из недр росток женьшеня / Сбирает старику – любовная томленья / И смертному двоит дареный Небом срок...» (МРК¹. Собрание А.С. Лукашкина. Дело «Литературная энциклопедия»).

Во Владивостоке Щербаков поменял переводческую деятельность на литературную и работал в газетах, разъезжая по побережью в поисках тем для корреспонденций. В период Меркуловского правительства (май 1921– июнь 1922) его командировали в Японию для устройства там информационного бюро. Вероятно, в это время Щербаков договорился об издании в Японии своих стихотворных сборников «Vitraux» (Витражи – фр., рис. М. Урванцева) и «Поэма океана», напечатанных позже в Иокогаме и Токио.

После провала Хабаровского похода и смены власти в Дальневосточной республике Михаил Щербаков вернулся из Японии во Владивосток, став начальником управления антибольшевистской пропаганды и редактором «Крестьянской газеты», но в октябре 1922 г. и он навсегда покинул Россию. Позднее в одном из своих рассказов он описал это время: «Завершилось великое затмение России. Тень неумолимо заволакивала её всю целиком. Только один узкий светящийся серпик оставался на Дальнем Востоке. Я был там, когда и он потух. Со щемящей горечью и болью я вспоминаю последние дни Владивостока. Наступили тревожные дни, и красный пресс все сильнее давил на Приморье, выжимая остатки белых армий к морю. Японцы, которых

¹ МРК – Музей русской культуры (Сан-Франциско, США).

большевики боялись и ненавидели, окончательно объявили о своём уходе. Правда, город не особенно верил их заявлениям, но слухи о всеобщей мобилизации носились в воздухе, и папаши побогаче срочно прятали своих сынков в спокойный и безопасный Харбин» [14, с. 3].

В 1926 г. М.В. Щербаков опубликовал в берлинском издании воспоминания о том, как уходили из Владивостока остатки белой армии [15]. Понять настроение самого литератора в этот период позволяют строки его знаменитого стихотворения: «Улисса дом манил во мраке / И Пенелопа за станком, – / Мы, Одиссеи без Итаки, / Каким прельстимся маяком? / Не всё равно ли, где оставить / След мимолётный корабля: / В коралловых морях истаять, / Иль резать льдистые поля. / Нам каждый берег будет чуждым, / Ненужной каждая земля, / Пока под облаком жемчужным, / Не заблестят кресты Кремля».

Стихи, написанные во Владивостоке в трагическое время Гражданской войны и вынужденного бегства из России, позднее вошли в сборник стихов «Отгул» (1944 г.), украшенный изящными гравюрами художника Михаила Урванцева [14]. Рецензент Н. Климов писал о книге: «Это – уже история, первые годы накапливания на русском Д[альнем] Востоке тех кадров, которые затем образовали нашу эмиграцию. Уже без малого полвека отделяет нас от дней, когда были написаны некоторые из стихотворений, вошедших в эту книгу. Это обстоятельство, и то, что Михаил Щербаков принадлежит к той группе литераторов-художников, которые создавали на русском Востоке литературное движение, столь развившееся и окрепнувшее к настоящему времени, — придаёт его книге стихов особенный интерес» [4].

Шанхай литературный

Михаил Васильевич Щербаков осел в Шанхае, где человеку со знанием французского языка было легко устроиться. Полтора года он работал секретарём у французского адвоката, шесть лет – в шанхайском отделении французского банка Banque d'Indo-Chine, знакомого ему по Ханюю, а потеряв там место из-за сокращения штатов, поступил на службу в отдел дактилоскопии

Шанхайской муниципальной полиции.

Не оставляя литературных занятий, Щербаков и в Шанхае обрёл множество друзей среди людей творчества. «Легко входя в контакт с людьми, – вспоминал В.А. Слободчиков, – Щербаков оказывался магнитом, стягивающим вокруг себя людей ищущих, мыслящих, творчески одарённых...» [11, с. 214]. Благодаря этой способности объединять единомышленников осенью 1929 г. литератор вошёл в число организаторов «Понедельника», содружества русских работников искусства. Художники, литераторы, артисты и архитекторы из России стали собираться по понедельникам, чтобы сообща провести свободное время. Цели и задачи содружества, сформулированные Щербаковым в декабре 1929 г., определялись следующим образом: «а). Объединение русских работников искусства, находящихся на Дальнем Востоке, на почве широкой терпимости к различным художественным течениям, для развития и укрепления русского искусства на Дальнем Востоке; б). всестороннее расширение художественного кругозора своих членов; в). создание русской художественной критики на Дальнем Востоке; г). изучение быта, искусства и культуры народов Дальнего Востока; д). установление связи с русскими художественными кругами и организациями, имеющимися в Западной Европе, е). изучение художественного творчества современной России» [17].

Устав «Понедельника» утвердили весной 1930 г., и вскоре после этого Щербаков предложил начать выпуск собственного литературно-художественного журнала наподобие тех, что раньше издавали литераторы в России. По его мнению, этот журнал мог бы знакомить с творчеством русских авторов в Китае и дальневосточного читателя, и русских эмигрантов в Европе. Предложение нашло горячий отклик, и сразу же начали собирать материал для первого выпуска журнала, названного «Понедельником».

В первом номере (1 сентября 1930) увидели свет произведения, написанные не только литераторами русской диаспоры Китая, но и из других стран. Раздел «Художественная хроника» содержал сообщения о событиях культурной жизни русских общин. Журнал украшали репродукции картин и

рисунков русских художников. «Не считая себя особой “литературной школой”, – писал Щербаков, – “Понеделник” всё же постепенно вырабатывает свою идеологию в области искусства и полагает, что одной из главнейших задач, поставленных русским художникам кисти и пера самой их жизнью в странах Востока, является преломление всего виденного здесь в своём творчестве и ознакомление русского читателя, в широком смысле, с теми культурными ценностями, которые дали миру народы Востока и которые до сих пор нашли так мало отражения в русской литературе, несмотря на громадное влияние, оказанное в прошлом на Россию культурой дальневосточных стран» [16, с. 82].

Сам Щербаков очень активно развивал восточную тему. Живя во Владивостоке и пользуясь наличием там китайцев, он начинал учить китайский язык, а оказавшись в Китае старался как можно полнее постичь эту загадочную страну. Особенно его увлекал Пекин, очаровавший седой стариной и культурой. «...связи Востока и Запада давно будоражат умы русской интеллигенции, – говорил он. – Россия географически и исторически стоит на слиянии несходных, но равновеликих культур и веками питается из их глубинных источников. Сила русской культуры не в их ли животворном синтезе?!» [11, с. 215].

Стремление осмыслить культурное и философское наследие Китая находило отражение в очерках, статьях и стихах Щербакова, носивших отчасти этнографический характер. Мифологемы Дальнего Востока – женьшень, тигр, фанзы, хунхузы – наполняют и поэтические, и прозаические его произведения, основу которых часто составляли древние восточные легенды и предания. Возможно, приверженность дальневосточной тематике была связана и с попыткой литератора найти своё место в чужой стране.

Щербаков был среди авторов литературно-художественного альманаха Э.Е. Магарама «Китай» (Шанхай, 1923) и альманаха «Дымный след» (Сан-Франциско, 1925), журналов «Парус» и «Феникс». В 1933 г. ради дополнительного заработка он перевел с английского языка роман

П.Г. Вудхауза (Wodehouse, Pelham Grenville) «Оптимист», герои которого Дживс и Вустер стали наряду с Шерлоком Холмсом и Форсайтами символами британского характера и героями национального фольклора.

В конце 1933 г. в «Понедельнике» произошёл раскол, и выделившаяся группа, вновь под руководством М.В. Щербакова, стала с декабря называть себя литературным художественным музыкальным объединением «Восток». Его участники некоторое время продолжили устраивать литературно-научные встречи, увидели свет и два сборника «Врата» (1934 и 1935 гг.), в которых Щербаков вёл раздел «Хроника» и публиковал свои работы, но и это содружество оказалось недолговечным.

Свидетельством тесных связей М.В. Щербакова с литераторами Шанхая является его личное книжное собрание: в нём много книг с дарственными надписями. Автограф поэта и журналиста Николая Федоровича Светлова (наст. фам. Свиньин) на сборнике «Сторукая»: «Уважаемому беллетристу и поэту и вдумчивому критику, мнение которого я ценю – Михаилу Васильевичу Щербакову. 27/X.34. Ник. Светлов». Лев Викторович Гроссе, репатриант 1948 г., на сборнике стихов «Героическая поэма» (1941) написал: «Дорогой Михаил Васильевич, *Enfant Terrible* ещё жив и верит в день, когда душа христианская воплотится в тело советской системы. Ваш Л. Гроссе». Всеволод Никанорович Иванов на книге «Повесть об Антонии Римлянине» (1934): «А про старца это ты повыдумал недостоверную истор[ию], ведь поэты – всегда лжецы...».

Книга поэта и прозаика Довида Кнута (наст. имя Давид Миронович Фиксман) «Насущная любовь» (Париж, 1938) с надписью «Послу “дальневосточной” литературы Михаилу Васильевичу Щербакову от солдата французской армии» говорит о связях литератора с коллегами из Франции. Щербаков посылал свои очерки в парижские «Современные записки», но скептически отнёсся к предложению друзей наладить издание совместного с литературными кругами Парижа общественно-политического и литературного журнала «Русские записки». Между тем журнал появился (№ 1 – июнь 1937). «...в состав парижских работников вливаются свежие силы, – сообщала

редакция в первом номере. – Мы приветствуем это обновление и рассматриваем его лишь как первый шаг. Не один Китай, но и другие центры эмиграции, должны найти свой дом на страницах наших журналов» [7, с. 6].

В 1937 г. Щербаков получил французское подданство. Во время ухудшения в Шанхае политической обстановки он как служащий муниципальной полиции участвовал в охране порядка. «О себе лично: с 12-го августа 1937 по 12 декабря 1937 работал по 16 часов в сутки, – писал он Т.А. Баженовой. – С 12 декабря по 12 апреля 1938 (приблизительно) – по 12 часов. Временами очень ярко вспоминалась 1914–18 годы, так как бои происходили у самой границы концессий, которую мы охраняли, в стальных шлемах и прочее, всё как следует, – ибо не раз пули и осколки падали в нескольких шагах, особенно во время обстрела японскими зенитками китайских аэропланов. Пять человек (из них двое русских) из европейского состава Французской полиции были более или менее серьезно ранены. К нормальной 8-ми часовой работе мы возвратились всего месяца полтора тому назад (МРК. Собрание А.С. Лукашкина. Дело «Литературная энциклопедия». Письмо Т.А. Баженовой. Шанхай, 13 июня 1938).

В такой обстановке было не до занятий изящной словесностью, но Щербаков продолжал увлекаться фотографией, которая к тому же помогала ему материально. Он занял первое место во Всешанхайском конкурсе фотографии «за исключительную красоту запечатлённого ландшафта», как писал В.А. Слободчиков. «Еще до изобретения цветной фотографии Михаил Васильевич осуществлял цветные фотоснимки путем сочетания нескольких линз и применяя изобретённую им методику» [11, с. 216]. Литератор пытался получить патент на своё изобретение в области цветной фотографии, из-за чего съездил в Японию, но потерпел неудачу.

Вокруг света за впечатлениями

Любовь к фотографии стала одним из поводов задуматься о кругосветном путешествии. Щербаков писал: «В декабре 1938 г. исполняется шесть лет моей службы в полиции, и я буду иметь 9-месячный отпуск. Ещё не

знаю, удастся ли проехать во Францию, если нет, то поеду в Индо-Китай, но всё это – планы, всё это в том случай, если не будет большой войны. А в наше время так неосторожно заглядывать вперед!» (МРК. Собрание А.С. Лукашкина. Дело «Литературная энциклопедия». Письмо Т.А. Баженовой. Шанхай, 13 июня 1938).

Некоторые детали путешествия Щербаков сообщил Баженовой уже после окончания Второй мировой войны, надолго прервавшей переписку: «...в 1939 г., т.е. перед самым началом и в первые месяцы войны, мне удалось объехать вокруг света. Объявление войны застало меня на Таити, откуда меня отправили в Париж, ехал с полной уверенностью, что придется активно участвовать во второй мировой драке. Но из Франции начальство вызвало меня в Шанхай, и сия горькая чаша меня миновала. Разгром Франции был для меня огромным и неожиданным ударом.

Работал довольно много над книжкой о моём кругосветном путешествии, в которой хочу дать не только мои личные впечатления, но и фактические историко-географические сведения о тех местах, который видел, тем более что в русской литературе об Океании почти ничего нет до сих пор. Это очень осложнило работу, тем более что японцы выкрали из местных библиотек все труды о Тихом Океане. А я ведь побывал на Филиппинах, в Австралии, на Новой Каледонии, на Новых Гебридах, Райатее и Таити, затем проехал Панамским каналом на Мартиники и Гваделупу (уже в военной обстановке), потом побывал в Марокко / в Касабланке/. Оттуда – Марсель, Париж, снова Марсель – Бейрут и уже знакомым мне Суэцким путем обратно в Шанхай. Сделал в пути около 1000 черных и сотни красочных фотографий» (МРК. Собрание А.С. Лукашкина. Дело «Литературная энциклопедия». Письмо Т.А. Баженовой. Шанхай, 21 апреля 1947).

После возвращения в Шанхай Щербаков собрал друзей, чтобы разделить с ними мысли и чувства. Об этой встрече вспоминал В.А. Слободчиков: «Будучи почти профессиональным фотографом, он все замеченное фиксировал на пленке. Особенно его заинтересовал остров Пасхи, где маленькое

вулканическое образование всего в полтора квадратных километров в восточной части Тихого океана таит удивительные следы погибшей культуры. Огромные каменные статуи, привезённые неизвестно кем, неизвестно откуда и неизвестно как, дощечки с письменами неведомого языка явно скрывают тайны погибшей цивилизации. Всё это увлекало и очаровывало Щербакова, заставляло глубже искать истоки исторических событий, дошедших до нас только в массе бесформенных мифов... В числе приглашённых оказались приехавшие из Парижа композитор Черепнин с супругой. В честь гостя был организован концерт под руководством и при личном участии профессора Шанхайской консерватории Сергея Сергеевича Аксакова. В знак благодарности композитор подарил устроителю только что вышедшие ноты своего “Трепака” с личной надписью» [11, с. 215].

Ностальгия

Проведя основную часть жизни в разных странах, Щербаков не переставал думать о России. Ностальгия преследовала его всю жизнь. То в одном, то в другом его произведении мелькают строки о родине. В октябре 1934 г. он побывал в гостях у Юрия Михайловича Янковского в имении, которое находилось в устье реки Тюмень-Ула (ныне р. Туманная) на севере Кореи вблизи советской границы. В репортаже, опубликованном после этого визита, замечен общий эмоциональный настрой всех людей, утративших Родину.

«Лёгкий закатный бриз, – писал Щербаков, – подул над рекой. На свинцовой ряби заструились, заколыхались отражения деревьев и сопки. Тинистый запах реки покрыло терпковатое дыханье вечерних трав, донёсшееся с той стороны, дыханье русских лугов, дыханье России... Так вот, как мы встретились с Тобой, моя покинутая Мать! А я думал уже, что мы больше не увидимся. Ты молчишь. В Твоих пасмурных просторах теплится новая и чуждая мне жизнь. Ты хотела в отчаянном дерзании переплавить весь Мир, и вот сникла сама. Молчишь... Кто смеет кричать, что Ты счастлива и здорова? Даже этот предельный, несчастный клочок Тебя так внятно говорит мне,

насколько глубока и страшна твоя болезнь. Но я верю в Твою неиссякаемую мощь, верю сейчас, увидев Тебя, твёрже и спокойнее, чем когда-либо, что вновь озарится радостью Твой насупленный, простой и прекрасный лик. Только бы коснуться Тебя, чтобы хватило сил продолжать эту жизнь» [18, с. 3].

Подобные чувства отражены и в рассказах, вошедших в сборник «Корень жизни» (Шанхай, 1943 г.). Щербаков писал об их содержании: «Большинство – дань восхищения перед суровой красотой людей и природы русских Дальнего Востока и Севера, о которых все ещё так мало сказано в нашей литературе. В некоторые рассказы введена фантастическая фабула, обрамлённая отрывками воспоминаний о том счастливом времени, которое автор провёл в этих краях; другие вещи вполне реалистичны. Рассказ “Европеец” сильно отличается и по характеру темы, и по ее разработке от остальных, но помещение его нужно хотя бы для того, чтобы подчеркнуть контраст между здоровой и простой жизнью на родине и призрачным, больным блеском довоенного Шанхая» [19, с. 4–5].

Анализ переписки Щербакова с Баженовой позволяет заметить некоторую противоречивость его чувств. Относясь с сомнением к получению советских паспортов некоторыми друзьями и их последующей репатриации, он в душе им завидовал. Сам же он, имея гражданство Франции, был лишён возможности вернуться на родину. Сведений о семейном положении литератора в данный период не имеется. В 1931 г. он женился, но найти какую-либо информацию о его жене пока не удалось.

После окончания Второй мировой войны

После 1945 г. положение эмигрантов, особенно с иностранным подданством, в Китае значительно ухудшилось. Щербакова особенно угнетал упадок литературной жизни. «Все наши многочисленные литературные кружки, – писал он, – среди которых я достаточно повоевал, сейчас взяты "под высокую руку" и слиты в одно литературное объединение /советское/. Меня туда приглашали, но после ждановского приказа, я увидел, что мне там делать нечего» (МРК. Собрание А.С. Лукашкина. Дело «Литературная энциклопедия». Письмо Т.А. Баженовой. Шанхай, 21 апреля 1947). Он

перестал печататься, но продолжал работать над книгой о кругосветном путешествии. «Сейчас книга на 3/4 написана, – сообщал он Баженовой, – но далеко еще не окончена. Я не тороплюсь с ней: всё равно печатать негде; здесь все издательства закрыты (кроме советских), в Москве же меня печатать не станут...» **(МРК. Собрание А.С. Лукашкина. Дело «Литературная энциклопедия». Письмо Т.А. Баженовой. Шанхай, 21 апреля 1947).**

Некоторые надежды Щербакову давало увлечение фотографией. Он планировал после войны съездить в США, познакомиться с новшествами в области цветной печати и, вернувшись в Шанхай, открыть первую цветную фотостудию. Но деньги от муниципалитета за свою службу в полиции, на которые он рассчитывал, получить не удалось. К этому времени Франция отказалась от своих концессий на территории Китая, и передоверила расплату со служащими китайскому правительству, которое, по словам литератора, «платит только тогда, когда это абсолютно необходимо».

Около года французское консульство поддерживало своих подданных на прожиточном минимуме, предлагая репатриироваться во Францию или служить в Индокитае. Ни то, ни другое Щербакова не устраивало, и он оставался в Шанхае, работая сначала в китайской фотостудии оператором-портретистом, а затем выполняя частные заказы. «Мое довольно приличное любительское оборудование позволяет сводить концы с концами, – писал он, – но, конечно, пришлось очень сильно сжаться... Все еще мечтаю о цветной фотографии, которая могла бы дать хороший заработок, однако здесь встречается масса препятствий: 1) на месте нельзя достать ни аппаратуры, ни материалов; 2) американские фабрики (я их запрашивал) отвечают, что вся продукция раскупается в Америке и на экспорт они пока не работают. Кит. правительство страшно затрудняет импорт предметов роскоши; и в 4) наконец, нет достаточно свободных денег, чтобы выписать эти материалы через знакомых, ибо курс наших денег безобразно низок» **(МРК. Собрание А.С. Лукашкина. Дело «Литературная энциклопедия». Письмо Т.А. Баженовой. Шанхай, 21 апреля 1947).**

Два года полуголодной жизни в неотапливаемых помещениях оказались очень сложными для Щербакова. Он остался почти без друзей и коллег: одних арестовали, другие репатриировались или эмигрировали в США, Австралию или Европу. У тех, кто ещё оставался в Китае, было чемоданное настроение. Щербаков уехал в Сайгон, где открыл фотостудию, давал частные уроки и читал лекции по фотографии. Слободчиков писал: «Перед отъездом он пригласил меня и сообщил, что, по всей видимости, вряд ли вернётся в Китай. Боясь, что имеющиеся у него книги дальневосточных авторов (многие из них с авторскими надписями) без него погибнут, а взять их с собой он не имел возможности, Михаил Васильевич передал их мне, сказав при этом, что, если мне удастся их сохранить, он был бы рад, если я пожелаю бы когда-нибудь передать их в государственное хранилище в России» [11, с. 216].

Обрести надолго спокойствие во Вьетнаме Щербакову не удалось: Франция, стремившаяся сохранить свои колонии, с 1946 г. вела Индокитайскую войну, но в 1954 г. потерпела поражение, и его как французского гражданина эвакуировали во Францию. О последних днях литератора известно со слов Валерия Перелешина: «Из больницы он вышел только в 1955 году. Поселился в Булони близ своих друзей Зандеров. Встретил с ними новый 1956 год, но был в ту ночь в особенно нервном состоянии. На другой день Л.А. Зандер ходил к нему посмотреть, как он устроился. Уходя, сказал: “До свидания”, но М.В. Щербаков поправил: “Нет, прощайте”» [8].

3 января 1956 г. поэт покончил с собой, выбросившись из окна. Ему было 58 лет. В сборнике «Отгул» есть стихотворение «Выздоровление», последние строки которого можно расценивать как предчувствие завершения жизненного пути литератора: «И к тому, что в мире вечно, / Гонит мой воскресший дух / Посохом остроконечным / Неразгаданный Пастух».

Заключение

В июле 2005 г на Конгрессе по восточноевропейским исследованиям (Congress of Eastern European Studies) в Берлине, где обсуждались проблемы сохранения литературного наследия российской эмиграции, мнение участников

дискуссии было единодушным: надо всячески беречь то немногое, что ещё осталось. Литературное наследие М.В. Щербакова, отражающее его жизненные ценности и устремления как представителя русских литературных кругов на Дальнем Востоке, несомненно этого заслуживает. Отдавая должное художественной выразительности и поликультурности его произведений, дальневосточное издательство «Рубеж» выпустило в 2011 г., впервые в России, сборник избранных работ Щербакова [20]. А сотрудники отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки (Москва) предприняли издание каталога личной библиотеки литератора, переданной им Слободчикову при отъезде из Шанхая [6]. К сожалению, тот смог спасти только часть книг Щербакова: сложенные в подвале, они оказались залиты водой [11, с. 282].

Остается сожалеть и о том, что до сих пор неизвестно, где находится архив М.В. Щербакова. Возможно, его следы ведут во Францию, в семью Зандеров. Материалы личного архива литератора могли бы восполнить некоторые пробелы в его биографии и, что также немаловажно, познакомить с творчеством Щербакова-фотографа, которое пока еще нигде не отражено.

Литература / References

1. Булгаков В. Словарь русских зарубежных писателей. New York.: Norman Ross Publ. Inc., 1993. XXXVI, 227 с. Bulgakov V. Dictionary of Russian writers abroad. New York.: Norman Ross Publ. Inc., 1993. XXXVI, 227 p. (In Russ.).
2. Забияко А. А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. №2. С. 154–169. Zabayako A. A. The mythology of the Far Eastern frontier in emigrant writers' conscience // Religion Studies. 2011. No. 2. P. 154–169 (In Russ.).
3. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография: (Список книг и публикаций в периодических изданиях) / Сост. Дiao Шаохуа. Харбин: Бейфан Вен-и, 2001. 221, [2] с. Literature of Russian

emigrants in China (in Harbin and Shanghai). Bibliography: (List of books and periodical publications) / Ed. Diao Shaokhua. Harbin: Beifan Ven-i, 2001. 221, [2] p. (In Russ.).

4. Климов Н. Книжные новинки // Рубеж. 1944. № 22 (30 июля). С. 22–23.
Klimov N. Latest books // Rubezh. 1944. No. 22 (July 30). P. 22–23 (In Russ.).

5. Куликова Е. Ю. Лирические экфрасисы Михаила Щербакова в сборнике «Врата» (1934) // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 335–348.
Kulikova Ye. Yu. Mikhail Shcherbakov's lyrical ekphrasis in the collection "Gates" (1934) // Critique and Semiotics. 2023. No. 2. P. 335–348 (In Russ.).

6. Одиссея книг: Коллекция «русского харбинца». Каталог собр.
В. А. Слободчикова / ред. Н. В. Рыжак; Рос. гос. б-ка. Москва: Пашков дом. 115 с. : ил. Book odysseya: Collection of the "Russian Harbinite": Catalogue of
V. A. Slobodchikov's books / ed. N. V. Rizhak; Russia State Library. Moscow: Pashkov dom. 115 p.: il. (In Russ.).

7. От Редакции // Русские записки. 1937. № 1. С. 6. Editorial // Russian notes. 1937. No. 1. P. 6 (In Russ.).

8. Перелешин В. Михаил Щербаков // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1973. 6 июня. С. 4. Pereleshin V. Mikhail Shcherbakov // New Russian word. New York, 1973. June 6. P. 4 (In Russ.).

9. Пугачева Е. Н. Функционирование топонимов в очерках М. В. Щербакова «Одиссеи без Итаки» // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 430–433. Pugacheva Ye. N. Toponym functioning in
M. V. Shcherbakov's essays "Odyssei without Itaka" // World of science, culture, education. 2022. No. 3 (94). P. 430–433 (In Russ.).

10. Пугачева Е. Н. Население города как компонент денотативного содержания образа города (на примере произведений М. Щербакова о Владивостоке) // Территория новых возможностей. Вестник ВВГУ. 2023. № 4. С. 211–219. Pugacheva Ye. N. The population of the city as a component of the denotative content of the image of Vladivostok: on the example of texts by M. Shcherbakov // Territory of new opportunities. Gerald of VVGU. 2023. No. 4. P.

211–219 (In Russ.).

11. Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной. Харбин, Шанхай, Москва: ЗАО: Центрополиграф, 2005. 429, [2] с. Slobodchikov V.A. About the sad fate of the exiles. Harbin, Shanghai, Moscow: ЗАО: Tsentropoligraf, 2005. 429, [2] p. (In Russ.).

12. Словарь поэтов Русского Зарубежья / Под ред. В. Крейда. С.-Петербург: РХГИ, 1999. 470, [1] с. Dictionary of Russian poets abroad / ed. V. Kreid. Sanct-Petersburg, 1999. 470, [1] p. (In Russ.).

13. Щербаков М. В. Отгул. Шанхай [Шанхайская Заря], 1944. 54 с. Shcherbakov M. V. Day-off. Shanghai [Shanghai Dawn], 1944. 54 p. (In Russ.).

14. Щербаков М. Кадет Сева. К десятилетию эвакуации Владивостока // Слово. Шанхай, 1932. С. 3. Shcherbakov M. Seva a cadet. Commemorating the decade of evacuation from Vladivostok // Slovo. Shankhai, 1932. P. 3 (In Russ.).

15. Щербаков М. Одиссеи без Итаки (От Владивостока до Шанхая с Сибирской флотилией в 1922 г. // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 302–316. Shcherbakov M. Odyssei without Itaka (from Vladivostok to Shanghai with Siberia fleet in 1922 // Archive of the Russian revolution. Berlin, 1926. Vol. 18. P. 302–316 (In Russ.).

16. Щербаков М. Содружество «Понедельник» // Парус. 1933. № 1. С. 82. Shcherbakov M. Fraternity “Ponedelnik” // Parus [Sail]. 1933. No. 1. P. 82 (In Russ.).

17. Щербаков М. Содружество «Понедельник» // Прожектор. 1933. № 42 (14 окт.). С. 8: фот. Shcherbakov M. Fraternity “Ponedelnik” // Prozhektor [Spotlight]. 1933. No. 42 (14 oct.). P. 8: il. (In Russ.).

18. Щербаков М. Луна над Россией // Феникс. 1935. № 1(1 сент). С. 3. Shcherbakov M. The moon above Russia // Fenix. 1935. No. 1(1 Sept). P. 3 (In Russ.).

19. Щербаков М. В. Предисловие // Корень жизни. Шанхай: Врата, 1943. 236 с. Shcherbakov M. V. Preface // Life root. Shanghai: Vrata [Gates], 1943. 236 p. (In Russ.).

20. Щербаков М. В. Одиссеи без Итаки : повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток: Рубеж, 2011. 480 с. (Восточная ветвь). Shcherbakov M. V. Odyssei without Itaka: stories, essays, poems, translation. Vladivostok: Rubezh, 2011. 480 p. (Eastern branch) (In Russ.).